

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ДУМАЮ, — говорит писатель, — что каждый работающий в искусстве должен иметь свою тропку в жизни, свой обжитой край, искоженный босиком, политый детской слезой. У меня есть такая своя страна детства — Пинега. Каждый год летом езжу туда и каждый раз обязательно что-то новое для себя открываю.

— Федор Александрович, как и когда вы начали писать? Что побудило вас к литературному творчеству?

— Я вышел из крестьянской многодетной семьи. Когда умер отец, нас у матери осталось семеро. С детских лет звание писателя для меня было священным, хотя первую серьезную художественную книгу я прочитал едва ли не в седьмом классе. После школы я поступил в университет, оканчивать его пришлось уже после войны. А летом сорок второго года, во время отпуска после второго ранения, мне въяве — в работе, в немыслимых лишениях и бедах, в невиданной геронке и душевной стойкости — удалось увидеть родное Пинежье, русскую деревню. Лишь лет восемь спустя, уже окончив университет и аспирантуру и защитив диссертацию, я в летние каникулы начал писать роман «Братья и сестры». Я не мог не писать. Все эти годы перед глазами стояли картины живой действительности, давила на память, требовали слова о себе... Писал роман около семи лет, в 1958 году он был напечатан в журнале «Нева».

— Недавно издательство «Современник» выпустило однотомник «Пряслины», в который вошли три романа: «Братья и сестры», «Две

зимы и три лета» и «Пути-перепутья». Продолжаете ли вы работу над «пряслинским» циклом?

— Продолжаю. Я хочу написать еще одну книгу, в которой события будут разворачиваться в наши дни. В этой книге читатель встретится почти со всеми Пряслиными и, конечно, со многими другими известными ему героями трилогии.

Мне хочется воздать должное нашей деревне, ведь на ней, на деревенской ниве, всколосилась вся русская культура, этика, эстетика,

рарной и что забота о хлебе насущном до самого недавнего времени была главной нашей заботой. Я не буду напоминать и о том, что почти вся русская классика пронизана думой о деревне, о судьбах России и народа. На мой взгляд, есть и более глубокие причины, почему сегодня в литературе идет столь острый и проблемный разговор о деревне.

Деревня — это глубины России, почва, на которой выросла и расцвела вся наша культура. Вместе с тем научно-техническая револю-

ми. Не всегда в прямом соответствии с прогрессом находятся нравственные качества человека... Серьезные потери несет язык. Деревня всегда говорила на более богатом языке, чем город, а сейчас эта свежесть языка выщелачивается, размывается...

— Процесс стандартизации языка в сегодняшней деревне, мне кажется, особенно явно виден в повести «Алька».

— Это естественно. Ведь Алёка дитя своего времени.

— Главная тема «Алёки» — деревня и молодежь. Собираетесь ли вы в дальнейшем продолжить эту тему?

— Безусловно. Потому что нельзя говорить о нашем времени, не говоря о молодежи. Это наше настоящее и наше будущее.

— Федор Александрович, в этом году событием театрального сезона стали «Деревянные кони» на сцене Московского театра на Таганке...

— Это, пожалуй, и для меня самое радостное событие этого года.

Не секрет, что драматургия в изображении деревни отстает от литературы — на сцене редко можно увидеть подлинную, деревню, зато много бывает «развесистой клюквы». С. режиссером Юрием Петровичем Любимовым мы попытались в «Деревянных конях» серьезно поговорить о том, что происходит в глубинной России, показать на примере трех поколений, что делает с Человеком Время и как Человек влияет на Время.

— И последний вопрос — об изданиях этого и будущего года.

— Вы уже упоминали трилогию, изданную «Современником». В Северо-Западном издательстве в библиотеке «Земля родная» вышел однотомник «Избранные». В будущем году избранные произведения в двух томах выпустит издательство «Художественная литература». Этот двухтомник включит все три романа, повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька» и рассказы.

Вела беседу

М. Искольдская.

Беседа с Федором АБРАМОВЫМ

С В О Я
Т Р О П К А

Уже первой своей книгой — романом «Братья и сестры» Федор Абрамов заявил о себе как писатель, пришедший в литературу со своей темой, со своим мироощущением. Потом последовали повести «Безотцовщина», «Жила-была семья», «Волею да околе», «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька», романы «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», рассказы. И каждая новая вещь писателя продолжала художественное исследование Русского Совера, народных характеров, исследование глубинных процессов нашего времени...

язык... Тут наши истоки, наши корни.

— Чем вы объясняете такой стремительный в последнее десятилетие взлет «деревенской» прозы, такой глубокий интерес к деревне?

— Прежде всего о терминологии. В нашей критике и литературоведении за последние годы утвердилось понятие «деревенская проза» — писатели-деревенники. Понятия несовершенные, неудачные и даже вредные, ибо они искажают подлинную суть происходящего и дают крайне одностороннее представление о сегодняшней литературе.

Почему проза, повествующая о деревне, вышла на передовые позиции? Я не буду сейчас напоминать о том, что Россия до недавнего времени была страной аг-

ция, в век которой мы живем, коснулась деревни очень основательно.

Техника изменила не только тип хозяйствования, но и самый тип крестьянина: Сегодня в деревне уже не встретишь того крестьянина, к которому мы привыкли в старой литературе. Вместе со старинным укладом уходит в небытие нравственный тип. Традиционная Россия переворачивает последние страницы своей тысячелетней истории. Интерес ко всем этим явлениям в литературе закономерен.

Промышленный переворот — благо, но есть здесь и оборотная, теневая сторона, есть потери. Сходят на нет традиционные ремесла. Исчезают местные особенности крестьянского жилища, которые складывались века-